

ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (культурологический аспект)

Сегодня нас всех волнует взрыв этнических страстей. Не вообще в мире (хотя ноябрьские события во Франции сильно напугали не только французов), но в нашем государстве. Как следствие развала СССР, в противоречивом сочетании с так называемым «возрождением национального самосознания» народов России и бывшего Союза непрекращающиеся межнациональные конфликты делают особенно актуальным научное осмысление всего спектра национально-этнических проблем на новом уровне и в новых условиях.

10 ноября 2005 года в популярном шоу НТВ «К барьеру» «сражались» два персонажа – не нуждающийся в представлении Владимир Жириновский и Гейдар Джемаль, менее известная широкому зрителю, но также достаточно одиозная фигура – главный идеолог так называемого политического ислама, руководитель Исламского Комитета России. Поводом к дуэли послужили уже упомянутые волнения французских иммигрантов. Так называемая «дискуссия» касалась, естественно, прежде всего наших собственных проблем – Россия и мусульмане, неуправляемая миграция, этническая напряженность и этническая преступность и т.п. Одна из «фишек», как выражается молодежь, нашего бойкого шоумена В.Соловьева состоит в том, что в процессе «дуэли» зрители путем электронного голосования могут поддерживать одного из «дуэлянтов» и именно их голоса определяют победителя. Так вот, уже на первых минутах и до конца игры традиционная и, как обычно, истеричная националистическая риторика В.Жириновского нашла сочувствие и поддержку **втрое большего** числа телезрителей. И дело здесь, думается, не только в не слишком внятной идеологии и позиции Джемалю, к тому же не идущего ни в какое сравнение с оппонентом в плане «артистизма» исполнения. Разумеется, этот эпизод (в те же дни данной проблеме были посвящены десятки передач) – только еще один повод задуматься о том, что происходит у нас в России в сфере межнациональных отношений в контексте радикальных изменений на постсоветском простран-

стве, а также о том, какой может и должна быть роль образования и культуры в этих процессах.

Поиски политических, экономических, юридически-правовых норм и механизмов, способных позитивно влиять на межнациональную динамику, очень важны, но далеки от завершения, часто «не срабатывают», а иногда приводят к усугублению проблем и противоречий. Однозначно ответить, почему так происходит – трудно, причин много. Одна из них – абстрагирование от **культурологических** аспектов межнациональных проблем и, в частности, недооценка роли образования как механизма социокультурной и личностной регуляции.

Кризис – это прежде всего утрата культурой своего ядра – духовного измерения всякой человеческой деятельности, формирующего мотивы, правила, цели и смыслы этой деятельности. Бессмысленно говорить, что «нужно больше культуры», «нужно больше образования». Какой культуры и какого образования? Ради каких целей? Культурный и образовательный прогресс – это не простой рост производства и потребления. Он заключается, скорее, в осознанном ответе на вопросы: «куда», «зачем», «для чего?»

«Телеграф, чтобы передавать – что? Железные дороги, чтобы ездить – куда?» – спрашивал Лев Толстой. Очень русские, казалось бы, вопросы. Но отвечать на них сегодня нужно не только русским, в том числе и касательно образования. Разговоры о культуре в образовании останутся декларациями до тех пор, пока не будет преодолено глубоко укоренившееся понимание культуры как некоего **придатка, довеска, украшения** разных сфер жизни, а не их внутренней, **глубинной сущности**. Кризис – это утрата образованием культурной функции. Причины кризиса образования, его отчуждения от культуры связаны с распадом основных смысло- и целеобразующих элементов образования и крайне болезненным поиском новых ориентиров и мотиваций.

Образование взрослых как социокультурный институт – не панацея от всех социальных бед. Между обществом и его образованием

существует диалектическая связь. Образование само по себе не может изменить общество, не в состоянии поддерживать его целостность и стабильность, не имея общей стратегии с иными социальными институтами и службами. Вместе с тем образование взрослых – один из важнейших способов воздействия на жизнедеятельность социума, все его структурные элементы; оно есть и способ регулирования социального поведения, средство социального контроля и, одновременно, инструмент стабилизации социокультурной ситуации. Более того, в контексте межнациональных проблем образование взрослых становится **важнейшим (а, возможно, и единственным) цивилизованным (ненасильственным, гуманистическим и демократическим) механизмом гармонизации межнациональных отношений.**

Образование взрослых – полифункционально. Одна из главных его функций – **общекультурная** – является важнейшим фактором развития самостоятельного, критического мышления, преодоления стереотипов обыденного (мифологического) сознания, грамотного анализа реальности. Эта функция образования очень актуальна в контексте нашей проблемы, поскольку современная мифология, касающаяся межнациональных отношений – социальная, историческая, культурная – оказывается не менее, а подчас и более опасной, чем старая, вчерашняя. Речь идет об огромной массе людей, живущих на территории нашего государства и в ближнем зарубежье. Драматизм, а подчас и трагизм ситуации, в которой они оказались, обусловлен комплексом политических, социальных, культурно-идеологических причин. Их осмысление и анализ выявляют одно немаловажное противоречие. С одной стороны, это объективный, подтверждаемый статистикой рост в исторически короткие сроки уровня образования и культуры всех народов бывшего Советского Союза. С другой – многие десятилетия этих же людей пытались превратить в деэтнизированную массу, лишенную культурного и духовного своеобразия. В значительной степени принудительные социальные меры нейтрализации национального начала, в том числе и через образование, наталкивались и раньше на сопротивление, поскольку уверенность человека в своей национальной принадлежности – это стержень его идентичности, его личностного самосознания. И вдруг обнаруживается, что не получилось, что люди живы и как представители разных наций, и этот факт проявляется в тех конфликтах, кровавых распрях, которые мы видели и переживали в последнее десятилетие. Еще недавно казалось, что западный человек в значительной степени преодолел эти страсти правосознанием, законопослушанием и прочими ценностями своего образа

мышления и поведения. Сегодня мы видим, что это не так. И у нас «обнаружилось», что люди не могут и не хотят жить, не идентифицируя себя с системой этнических ценностей. И пошел процесс, результаты которого мало кого сейчас радуют, кроме, разумеется, тех, кто на этом заработал капиталы и власть.

Второй важнейший факт, который труднее подтвердить цифрами статистики, тем не менее имеет место. Я имею в виду то, что ныне принято вспоминать в лучшем случае иронически, то, что называли **«единой общностью людей – советским народом»**. Известная демагогичность этой формулы не отменяет ее реальности. И как минимум того, что **несвобода системы сдерживала не только «хорошее» в национальном, но и дурное, страшное, пещерное.** Нередкие сегодня высказывания простых людей разных национальностей о мире и дружбе, в котором жили народы огромной страны, есть не только плод искаженного нынешними страданиями воображения мигрантов и вынужденных переселенцев, а также тех, кто остался у своих разрушенных очагов, но и реальная память о времени, когда все было непросто, но **бескровно и более или менее стабильно.**

И третье – это проблема патриотизма. Кого вообще считать патриотом? Думается, этот вопрос правомерен по отношению к любой национальной культуре. Тех, кто принимает свой народ и свою Родину такой, какая она есть (как мать), со всеми ее достоинствами и недостатками, или тех кто, как говорил Чаадаев, любит Родину с открытыми глазами, кто критикует ее, думает о ее будущем? На этот вопрос нет однозначного ответа, но любовь «с закрытыми глазами» бывает иногда хуже ненависти. Проблема национального самосознания не в том, что раньше (в советский период) народ игнорировал свое национальное прошлое, жил без памяти, а теперь эта память к нему возвращается. Суть в другом. Сейчас многие понимают будущее как возвращение назад. Однако позавчерашние идолы нисколько не лучше вчерашних. Теперь они многими понимаются как очередное «светлое будущее». Но это и неправда, и невозможно по определению. Нельзя родиться обратно. Прошлое, даже самое замечательное, будущим стать не может. Именно поэтому идеология «возвращения к истокам» (православным, мусульманским, языческим) оказывается чаще всего продуктивной апологией властвующим элит, превращенной формой реакционной антинародной политики.

Это касается и русского национализма. Надо подчеркнуть, что массовая этнизация сознания охватила русских почти на десятилетие позже, чем

другие народы бывшего СССР. И это не только ответ на блистательный провал поисков национальной идеи, создания нации «россиян». Рост национализма в России – реакция на последовавшую после развала Союза волну национального самоуничтожения, подлинной эпидемии **смердяковщины** (помните, бесконечное – «нация рабов», «совки» и т.п.). Культурная и идеологическая политика 90-х усугубляла негативный модус русской идентичности целенаправленной дискредитацией русского (и советского) всей мощью подконтрольных СМИ, формируя комплекс национальной неполноценности. Произошла некая **«мутация духа»**, рост русского национализма справедливо рассматривается как компенсаторный психологический и социокультурный механизм, реакция на национальное унижение, деградацию и упадок во всех сферах жизни¹. Особенно опасно, что в структуре русской ксенофобии все более весомым становится биологический принцип (кровь) в сравнении с этнокультурной компонентой (почва), то есть определение «своего» не по языку, культуре, вере («Русский – это тот, кто любит Россию»), как это было исторически свойственно русским, а по цвету кожи, разрезу глаз, структуре волос (Пушкин не прошел бы этот тест). У всех на виду этнический негативизм в отношении чеченцев, цыган, выходцев из Средней Азии и прочих «лиц нерусской национальности», «черных», одним словом.

Как показывают исследования, самый высокий уровень русской ксенофобии зафиксирован среди молодежи, а наиболее устойчивая динамика ее роста у лиц с высшим образованием, 69% из них негативно оценивают этнические меньшинства (интересно, не правда ли, в контексте разговора об образовании). В целом, этнофобия приобрела в России системный, воспроизводимый и долгосрочный характер².

Вот далеко не полный круг важнейших проблем, которые необходимо обсуждать не только на конференциях в кругу специалистов, но в самых разных аудиториях взрослых людей. За последние годы произошел значительный количественный рост численности некоренного населения регионов за счет переселившихся после распада Советского Союза. Увеличилось число диаспор, национально-культурных организаций, имеющих свою культурную специфику, множество формальных и неформальных связей с регионами традиционного проживания, представители которых не обладают развитыми традициями, умениями и навыками жизни в крупном много-

национальном городе. У них возникают дополнительные трудности и противоречия национальной и социокультурной идентификации и как следствие – дополнительные потенциальные угрозы дестабилизации социально-политической обстановки в городе. Важнейшая задача – через образование помочь национальным общинам и их членам органично и конструктивно включиться в культурную жизнь города.

Нужны не фестивально-этнографические акции, но функционирующие механизмы образования и культурного просвещения взрослых как важнейшие цивилизованные и демократические средства гуманизации межнациональных, национально-культурных отношений в рамках полинациональных и поликультурных регионов нашей страны, координация и кооперация деятельности общественных и государственных структур образования и культуры – всех, кто, взаимодействуя, может дать новые альтернативы, условия и мотивации для непрерывного общекультурного образования различных континентов взрослого населения; вовлечение в сферу образования тех слоев населения, которые по различным причинам оказываются ущемленными в реализации своих прав на образование (представители национальных меньшинств, мигранты, беженцы); разработка и реализация образовательных программ для национально-культурных объединений.

Образование взрослых должно занять самую активную позицию в вооружении каждого человека знаниями и умениями для преодоления кризисов идентичности, самоосуществления как гражданина страны, представителя нации, оказывая воздействие на все аспекты человеческой деятельности и поведения. Особенно важно помочь взрослому человеку в конструировании новых мировоззренческих оснований для совместной жизни в условиях слома традиционных стереотипов, концепций мира, общества, неустойчивости, конфликтности, противоречивости ценностных ориентаций. Неформальные структуры образования, различные формы самообразования, личный опыт взрослого, виды его досуговой деятельности должны быть интегрированы в учебную окружающую среду, в которой приоритетными становятся вербализация проблем, осознание противоречий и культурное взаимодействие. Образование может помочь взрослым не только приспособиться к переменам, но дать им знания, умения и возможности противостоять обстоятельствам, воздействовать на процессы, происходящие в обществе. В условиях кризиса, противоречий культурной динамики, резкого сужения возможностей позитивной добровольной адаптации содержание образовательной деятельности не может быть только адаптационным; в

¹ См.: Соловей В. Рождение нации //Свободная мысль. – 2005. – № 6.

² См.: Соловей В. Рождение нации //Свободная мысль. – 2005. – № 6. – С.4.

нем должен быть определенный «запас свободы», создаваемый поликультурностью, освоением как можно большего культурного пространства для расширения диапазона «подлинных» (Э.Фромм) способов идентификации, в том числе и национально-культурной.

И, наконец, остро актуальной **становится проблема реализации принципов культурного плюрализма и поликультурного образования взрослых.** Суть культурного плюрализма – «различие не есть неравенство» – направлена против национально-культурного эгоцентризма и изоляции в любой его форме. Культурный плюрализм основывается на демократических принципах равенства и уважения к человеческому достоинству, ценностям и убеждениям всех людей. Многополярность современного мира требует осознания того, что ни одна культурная модель не может быть одинаково значимой и подходящей для всех, что доминирующая группа признает человеческое достоинство как всеобщую ценность. Сохраняя нравственные и демократические критерии различных культур, отсекая проявления национализма, ксенофобии, расовой нетерпимости, культурный плюрализм отвечает на вопрос, как культурные меньшинства могут сохранить свою самобытность, развить традиции своей культуры и в то же время не быть инородными в рамках доминирующей культуры. Основой культурного плюрализма является не господство идеализированных норм, ценностей, образцов одной культуры, но «диалог культур». Ведущий принцип такого диалога – ценность той или иной культуры не в том, что она «наша», а в том, что ее модели, нормы, ценности могут способствовать достижению позитивных социокультурных целей.

Поликультурное образование взрослых рассматривается в данном контексте как механизм, средство реформации общественного и индивидуального сознания, его гуманизации и демократизации. Главные задачи: помощь взрослому в поиске и обретении средств осознания и, по возможности, свободного решения проблем, реализации своего выбора; расширение «культурного репертуара» индивида в контексте его собственной («частной») культуры и развитие умений примирения различных культурных моделей; освоение новых способов идентификации на основе переплетения различных культурных элемен-

тов. Для этого необходимо знание и изучение не только своей собственной, но и иных культур, общение с их представителями, развитая способность рефлексии, критического анализа и оценки ситуации, выбора наиболее эффективного образа действий.

Как показало исследование, проведенное в Институте образования взрослых РАО¹, практика поликультурного образования в российских регионах связывается с тремя направлениями образовательной деятельности: с **изучением учащимися национальных культур** и обсуждением проблем национального возрождения, укрепления национальной самобытности; **организацией межкультурного диалога**, смягчением межнациональных конфликтов и межкультурных разногласий в рамках тех или иных регионов и в России в целом; **приобщение учащихся к демократическим ценностям.**

Опыт поликультурного образования взрослых в России показывает, что все три указанных направления в образовании, обусловленные фактором поликультурности, зачастую оказываются как теоретически, так и практически рассогласованы: укрепление национальной самобытности в ряде случаев не только не способствует, но препятствует приобщению учащихся к демократическим ценностям, так как в рамках последних многие черты традиционных культур определяются в качестве «дискриминационных» и тоталитаристских (например, если речь идет о ряде религиозных установлений и связанных с ними бытовых привычек и ограничений); обращение к «этничности» в рамках тех или иных культур приводит к утверждению этнокультурной идентичности индивида и культурной группы, однако не всегда дополняется стремлением к ведению диалога и даже к бытовому взаимопониманию и желанию помочь соседу; с другой стороны, ориентация на гражданское образование часто противопоставляется ориентации на возрождение традиционных элементов культуры. Теория поликультурализма и его образовательная практика, разработанные на Западе в 80-90 годы, методологически близки концепции диалога культур. Вместе с тем, как показало исследование, и методология, и теория, и практика поликультурализма требуют значительной корректировки применительно к российской специфике и с учетом уже имеющегося негативного опыта Запада.

¹ Сажин Д.В. Поликультурализм: теория и образовательная практика. – СПб.: ИОВ РАО, 2001.